

УДК 130.2

UDC 130.2

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ
В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ**

**TRANSFORMATION OF POWER PHENOMENON
IN THE MODERN HISTORY AND THE
CONTEMPORARY HISTORY**

Васильева Анна Сергеевна
*ФГБОУ «Кубанский государственный аграрный
университет», Краснодар, Россия*

Vasiljeva Anna Sergeevna
Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Статья посвящена вопросу понимания власти в эпоху Нового времени. Новоевропейский модернизм усилил представление о власти как способе достижения эффективности деятельности в общественной жизни. Сущность власти в Новое время определялась в связи с модернизацией и индустриализацией общественного производства. Кроме того, она связана с развитием значимости субъекта. Власть необходимо является обратной стороной свободы

The article deals with the issue of understanding the power in the Modern age period. New European modernism intensified the concept of power as of the way of achieving the activity efficiency in social life. The substance of power in the Modern age was determined due to modernization and industrialization of social production. Moreover it is connected with evolution of subject's significance. Power is necessarily the reverse side of liberty

Ключевые слова: ВЛАСТЬ, СВОБОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК, МОДЕРН, ЭПОХА НОВОГО ВРЕМЕНИ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, РАЗУМ, СУБЪЕКТИВНОСТЬ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ПРОГРЕСС, ПОРЯДОК

Keywords: POWER, LIBERTY, SOCIETY, MAN, MODERN, MODERN AGE PERIOD, RATIONALITY, MIND, SUBJECTIVITY, EFFICIENCY, PROGRESS, ORDER

Феномен власти рассматривался с начала возникновения общественной мысли. В европейской культуре мы можем проследить этапы становления понятия власти в письменных источниках прошлого. Платон, Ксенофонт, Аристотель, Августин Блаженный, Николо Макиавелли и многие другие мыслители прошлого поднимали вопрос о значении власти, о ее причинах и целях. Однако только в новоевропейской философии в полной мере обнаруживается проблемность ее содержания и сущности.

Характерной чертой эпохи Нового времени является философский оптимизм, возникающий в контексте формирования модернистской культуры, которая и определила специфику понимания власти, которая развивалась в сопряжении с такими понятиями, как природа – человек – индивидуальность – личность – масса – общество – государство.

Модерн – «modernity» (англ.) – связан с разрушением сложившейся картины мира и возникновением специализированного знания, элиминирующего из науки религиозные мотивы. Наука становится практичной,

утилитарной. «Я» (Эго) приобретает приоритетные позиции, выявляя свое центральное положение в системе бытия – старая онтологическая парадигма сменяется новой – субъектно-центристской. Философ модерна направляет свой взор на бытие сквозь призму субъективности; он ищет не онтологические, а гносеологические основания. Р. Декарт новаторски произвел эпистемологический поворот от древней реалистической онтологии природы в работе «Размышления о первой философии» («Первоначала философии»).

В новоевропейском мировоззрении «провозглашается право человека на индивидуальное самосознание, на собственную индивидуальную жизнь. Актуализация индивидуальности была закономерно связана с формированием капиталистических отношений, которые выдвинули на первый план уже не корпоративность, а индивидуальную инициативу человека. Пафос единственности и оригинальности прямо проистекал из индивидуальной свободы. Последняя предполагала свободу предпринимательской деятельности» [3, С. 60–61]. Антисхоластическая направленность новоевропейского мышления выработала иное измерение свободы. Оно было связано с метаморфозами властных отношений. Теперь необходимо было использовать иные механизмы власти, которые бы вписывались в промышленную, технократическую, прагматичную реальность. Свобода человека в буржуазном обществе связана с его экономическими возможностями, которые обеспечили формирование морали индивидуализма, которую М. Вебер также связывал с протестантской этикой.

Модернистская культура Нового времени раскрывается в идее «власти над природой». По сути, основные интенции этой эпохи подспудно задаются вопросом о господстве над окружающим миром, о необходимости постичь технологии власти над материальной средой. Постигание устройства механизма природы стало условием веры в высокие способности разума. С помощью последнего осуществляется стремление «благоустроить»

окружающую действительность, сделать ее “эффективной” и “эргономичной”. Завладеть техникой управления природой человек модерна может в случае расширения своих знаний. Вследствие чего мы можем говорить об актуализации вопросов, поднятых Н. Макиавелли. Философ ставил перед собой задачу – выявить продуктивные технологии власти. В эпоху Нового времени открытие методов власти связано с погружением в ее сущность.

«Знание – сила» – кредо мыслителя и естествоиспытателя становления эпохи модерна. Идея эффективного управления и общественного взаимодействия совершенно очевидно присутствует в возрожденческом социализме. Т. Мор и Т. Кампанелла, описывая “идеальные” общественные системы, предопределили рационалистский подход к общественной жизни. Если Макиавелли источником власти видел психологические и материальные потребности одного человека, то “утописты” признали за каждым такие потребности и в содержание власти вкладывали идею общественного благополучия. Впоследствии Ф. Бэкон разработал теорию устройства идеального государства, которое функционировало как научный институт. Роль управляющих в государстве, как и в «Государстве» Платона, в «Новой Атлантиде» была отведена работникам ума – ученым.

Власть над стихиями, господствующими в природе, достигается через постижение сути этих процессов и в творении собственной природы. Новоевропейский мыслитель пытается в рамках разумного и логического объяснить всю окружающую его действительность. Кроме того, разум вместе с природной системой понимается как механизм, механическая структура. С этой точки зрения, «мир есть простая, или механическая, сумма вещей» [1, С. 77]. Связь между вещами осуществляется с помощью причинно-следственных отношений, которые являются отношениями «механической причины», «возникающими вследствие абсолютно упругого, т. е. никак не изменяющего вещи столкновения последних» [1, с. 78]. С точки зрения новоевропейского ученого, механическая природа целесообразна и

телеологична: «Все необходимо по решению Бога, а не так, что одно необходимо само по себе, а другое – по его решению» [8, С. 264]. Поэтому власть также имеет основания целесообразности. Власть – это эффективное управление.

Модерну характерна позиция, утверждающая идею прогрессирующего развития природы и социального бытия. Прогрессу должны сопутствовать, соответственно, становление техники и технологии, выраженные в индустриализации и стремлении к эффективной модернизации. На этапе рассвета новоевропейской культуры происходит усиление дифференциации процесса производства, невероятное разделение труда. Такая расстановка сил требует особого способа подготовки трудовых кадров: появляется начальное образование, а затем – и профессиональные училища. Происходит изменение стратификации в обществе, складывается довольно большой общественный класс наемных работников – пролетариат. Властные отношения в новых условиях меняют свой характер. Индивидуализация общества сопряжена с образованием еще более крепких и сложных отношений в общественной системе, в которой исчезает первоначальный открытый тип власти как господства и подчинения.

Модернистские общества сменяют традиционные, в которых «человек не может сотворить ничего принципиально нового не просто с технической, если можно так выразиться, точки зрения, трудности созидания не главное, а гораздо важнее то, что ему даже не свойственно мышление, предрасполагающее к созиданию. Он просто видит мир абсолютно неподвижным. Как дальтоник не различает цвета, так и человек традиционного общества по своей природе не различает развития. Модернизированная личность, напротив, плохо понимает, каким образом можно жить без развития. «В том, что известно, пользы нет, одно неведомое нужно», – заметил мельком Фауст у Гете, рожденный поэтом как раз тогда, когда Германия находилась на старте своей модернизации. Это, казалось бы, случай-

ное замечание фактически определяет всю философию современности. Человек теперь постоянно стремится добиваться каких-то новых целей, преобразуя себя и общество. Не столь важно, какие это цели – материальные или духовные, карьерные или творческие, технические или гуманитарные. Важно то, что они есть. В той мере, в какой изменился человек, изменяется в эпоху модернизации и общество [9, С. 23].

Модернистская культура тяготеет к методу классификации предметов и знаний о них. Данный метод разрабатывался Ф. Беконом, Р. Декартом и стал популярным в областях различных знаний.

Классифицированные предметы необходимо использовать, они должны выполнять утилитарные функции. Поэтому, прежде всего, возникает вопрос об отделении тех, кого можно заставить принудительно трудиться, от тех, кем невозможно управлять. Индивиды, “отклоняющиеся от нормы”, делятся на группы. Сумасшедшие выделяются в отдельную, особую группу. Концептуализация данных процессов, выражающаяся в появлении понятия безумия и выделении психических болезней в класс заболеваний, по времени следует за изменением обращения с такими больными в технологиях дисциплинарной власти. Все неясное, неочевидное, непроверяемое отбрасывается в сферу небытия: «для великих школ прогресса характерно отсутствие у них связи с первобытными силами и укорененность их динамики во временном ходе движения» [12, С. 102].

Разум, рациональность, рассудочность должны управлять новым миром – миром всеобщего благополучия, «равенства, братства и свободы», но они оказываются инструментами власти. Вера в прогресс, эксперимент, технику и промышленность, человека, который способен изменить себя согласно здравому смыслу, разуму. В Новое время происходит дистанцирование философии от других областей знания, философия становится только метафизикой; наука – рациональным, полезным знанием.

Модернистские установки направлены на образование общества по-

требления: это путь, ведущий «будто бы к удобству и безопасности» [12, С.103]. Эпоха формирует новые формы контроля и власти: рациональность и ее агенты применяются для приобретения господства, разум становится инструментом угнетения. Мишель Фуко, считает, что в Новое время складывается «дисциплинарный» тип власти. Дисциплинарная власть, формирующаяся в XVIII в., начинается с перемещения индивидов в пространстве. Ей необходимо замкнутое пространство, в котором имеют силу свои законы и правила. При этом принцип замкнутого пространства не был ни постоянной, ни необходимой принадлежностью дисциплинарного аппарата, считает исследовательница творчества М. Фуко З. Сокулер. Предпочтение отдается принципу «разгораживания». Высказывание «разделяй и властвуй!», приписываемое Юлию Цезарю, берется в оборот дисциплинарной властью, которая, разделяя сообщества на группы, подгруппы, на единичные субъекты, формирует машину, где каждому приписывается свое место. Однако место, отведенное каждому индивиду в дисциплинарном пространстве, – более чем просто место: это одновременно и ранг индивида, его место в той классификации, которую осуществляет дисциплинарная власть. Таким образом, преступников распределяют в зависимости от характера преступления, больных – от характера заболевания, учеников в классе – в зависимости от поведения и успеваемости. Дисциплина формирует новое дисциплинарное пространство, организуя «ячейки», «места» и «последовательности», выражающееся одновременно в архитектуре, иерархии и функциональности. Фуко анализирует архитектуру, которая становится оплотом власти. Это мы видим на примере разбора явления «Паноптикума»: «Так, изучая различные архитектурные замыслы и планы, последовавшие за вторым пожаром Главной Богдельни в 1772 году, я вдруг ощутил, до какой степени вопрос о полной видимости тел, индивидов, вещей под неким направленным и сосредоточенным взглядом превращался тогда в одно из самых неотступно присутствовавших направляющих на-

чал» [10, С. 220]. В связи с ранее сказанным можно говорить не только о рациональном устройстве космоса, но и принятии его неразумных форм, которые необходимо идентифицировать, классифицировать и управлять ими, а если это невозможно, то изолировать.

Рациональность входит в сферу моральных норм и правил. Мораль должна обеспечить продуктивное сосуществование индивидов, ведущих совместную деятельность. И. Кант выводил из сферы морального все, что не соответствует разумным доводам и долгу. Поэтому власть обеспечивается моральным основанием; легитимность власти связана с ее необходимым существованием как организационного начала. Вполне закономерно принятие власти как государственной системы, где система является необходимым выражением упорядоченной вселенной – космоса, а государство – источником сохранения и повышения эффективности порядка.

Индивидуализация способствует системе управления, давая возможность контролировать каждого в отдельности. Однако актуальность субъективности в Новое Время развивалась рука об руку с принципом обеспечения масс благоприятными условиями существования. Масса и индивидуальность должны построить отношения, которые могут быть выражены в марксистской риторике: во фразе, которая фактически потеряла автора и стала всеобщим достоянием: «свободное развитие каждого – это свободное развитие всех». По сути, в Новое время не происходит полной смены парадигмы: прошлое остается достоянием настоящего. Для европейцев смена «формаций» представляет собой вполне последовательный процесс. Рене Декарт употребляет принцип субъективности в качестве абстрактного факта мышления, а И. Кант утверждает самостоятельность за данным принципом: субъективность здесь достигает абсолютного самосознания. Д. Юм и И. Кант закрепляют субъективистскую позицию в философии, утверждая ограниченность знания способностями человека, но это и ставит перед человеком более ответственные задачи. Во всех случаях содержимое нашего

разума рассматривается в качестве продукта активной «субъективности», которая и является источником любого знания.

Субъективизм освобождает человека от пут заданной необходимости. Человек, благодаря своей субъективности, ограниченности в восприятии абсолюта, выходит за рамки природных оснований: «каждое существо, которое не может поступать иначе, как руководствуясь идеей свободы, именно поэтому в практическом отношении действительно свободно, т. е. для него имеют силу все законы, неразрывно связанные со свободой...» [4, С. 227]. Вследствие чего в новоевропейской философии складывается противостояние свободы и власти, которое стало иметь вполне определенные границы.

Российский исследователь понятия власти Г. Ледяев указывает на то, что «первая специальная попытка определить власть как понятие связана с именем Т. Гоббса. Фактически Гоббс заложил основы так называемой «каузальной» концепции власти, которая по сей день превалирует в западной научной литературе» [6, С. 26]. С точки зрения Ледяева для Т. Гоббса «власть есть способность производить что-то в будущем. Власть характеризует отношения между агентами, в которых один агент может стать причиной определенных действий другого агента.

Власть, по Гоббсу, – это диспозиционное понятие, оно выражает потенциал агента власти достигнуть гарантированного подчинения объекта и контролировать объект. Власть существует даже в случае, если субъект не реализует имеющуюся у него способность подчинить объект. В соответствии со своими представлениями о природе человека, Гоббс рассматривает властные отношения как асимметричные и конфликтные – отражающее господство одних людей над другими» [6, С. 27].

Для И. Канта организация государственной системы осуществляется ради поддержания порядка среди свободных личностей. Личность вправе требовать у Государства то, что ей необходимо. Таким образом, подчине-

ние выступает только как необходимость взаимодействия между индивидами. Философ не отказывается от наследия Просвещения и рационализирует действительность, хотя это происходит и через рациональную сущность человека – «трансцендентального субъекта». Единственное господство, которое признает И. Кант – это господство разума.

Г. В. Ф. Гегель понимает власть как обратимость в диалектическом отношении «господина» и «раба»; она оказывается лишь моментом в диалектическом взаимодействии «самосознаний»: «истина самостоятельного сознания (господина – А. В.) есть рабское сознание. Правда, это проявляется на первых порах вне себя и не как истина самосознания. Подобно тому, как господство показало, что его сущность есть обратное тому, чем оно хочет быть, так, пожалуй, и рабство в своем осуществлении становится скорее противоположностью тому, что оно есть непосредственно; оно как оттесненное обратно в себя сознание уйдет в себя и обратится к истинной самостоятельности» [2, С. 104]. Гегелевская диалектика Господина и Раба, господства и подчинения в диалектике Мирового Духа включала много условий для более содержательного формирования понятия власти, а также понятия свободы.

XIX век дает старт глобальным учениям, критикующим возможности разума и рациональности вообще. Это и творчество Артура Шопенгауэра, Серена Кьеркегора, Фридриха Ницше. Однако гегельянцы, марксисты и даже позитивисты сохраняют веру в прогресс и способность разума освоить действительность, сделать ее наиболее пригодной для жизни. Техническое развитие, модернизация обеспечат свободное, творческое развитие духа. Параллельно развивалась социологическая позиция в отношении явления власти. Она выражена в исследованиях такого столпа философии и политэкономии, как К. Маркс. Он ставил во главу угла вопрос о властных отношениях в сфере экономической жизни людей. Маркс рассматривает взаимоотношения рабочего и капиталиста, как отношения подчинения и

господства: «... рабочий сам постоянно производит объективное богатство как капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу, а капиталист столь же постоянно производит рабочую силу как субъективный источник богатства, отделенный от средств ее собственного овеществления и осуществления, абстрактный, существующий лишь в самом организме рабочего, – короче говоря, производит рабочего как наемного рабочего» [7, С. 583]. Диалектика рабочего и капиталиста – это форма властных отношений.

В работах позитивиста Г. Спенсера и социолога, экономиста М. Вебера ставились вопросы о социальной природе власти. В теории М. Вебера «понятие власти приобрело вполне современную четкость и определенность. Вебер рассматривал власть как «вероятность того, что актер будет в состоянии реализовать свою волю в социальном отношении вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем эта вероятность основывается» [Цит. 6, С. 152]. В веберовском определении подчеркиваются следующие основные черты власти: (1) власть не есть принадлежность индивидов, а существует в отношениях между ними; (2) власть должна определяться в терминах вероятности, возможности; (3) основу власти могут составлять любые вещи, свойства или отношения; (4) власть всегда против кого-то, она предполагает конфликт и действия вопреки интересам людей» [6, С. 27]. М. Вебер продолжает традицию, идущую от Т. Гоббса, рассматривая власть в качестве «намеренного асимметричного отношения между индивидами (но не группами или общностями)» [6, С. 27]. Вебер изрядно психологизирует властные отношения, указывая на значимость личных качеств индивида. С другой стороны, «Вебер... считал понятие власти «социологически аморфным», так как «любое качество человека и любое сочетание обстоятельств могут создать ситуацию, где индивид получит возможность требовать подчинения своей воле». Поэтому он предпочитал пользоваться более четким, с его точки зрения, понятием «господство»

(Herrschaft), которое он рассматривал как частный случай власти» [6, С. 27]. М. Вебер заложил основы «теории социального действия».

В целом модерн, будучи прагматичным и технологичным, рождает романтизм и бунт против рациональности. Однако сама попытка осмыслить случайность порывов чувства и воли уже демонстрирует тягу эпохи перевести “непостижимое” в “постижимое”. Зигмунд Фрейд ярко обрисовал способы “дестабилизации” усилий бессознательного, выявив его биологическую закономерность и методы его упорядочивания. В модерне видят «эпоху разума и конец мифа». Кроме того, модернист всегда относится к своей эпохе с неким скептицизмом, даже страхом. Овладение миром, таким образом, осуществляется с помощью освоения всего, что изначально не принимается как рациональное, подчиняющееся логике и здравому смыслу.

С точки зрения Э. Юнгера, становление модерна проходит через три стадии развития субъективности, которые повторяют все предыдущие этапы развития западной цивилизации. Первая заключается в становлении человека-бойца, человека-солдата, покорителя земли. Солдат определил сущность начала XX века. Он пришел из прошлого и проиграл, но его фигура отрекомендовала модерн, как и романтическую эпоху: романтика сражения, победы и господства. Образ Солдата в модерне ярко очерчивается в первый крупный межнациональный конфликт XX века: «Первую половину своего века, эпоху “стальных гроз” и титанической власти Земли Юнгер обрисовал как последовательную смену трех мифических типов, или героев. “Стальные грозы” Первой мировой войны выплавили в тиглях “великой битвы” Солдата и привели к исторической развязке этот тип героя, сложившийся в прежних формациях, в домодерне». [5, С. 32]. Солдат выполняет приказы. Смысл его существования заключается в подчинении Приказу. Впоследствии формируется «героико-нигилистическая фигура» Рабочего – человека, цель которого заключается в овладении материаль-

ным бытием. Рабочий участвует в процессе производства, становясь частью механизма. Это пути человека-массы, обезличенного на пороге постиндустриального общества. Рабочий – это продолжение технических механизмов, он представляет собой «оператора машин». Таким образом, овладевая миром с помощью техники, человек сам становится ее составляющим. Однако последняя форма человека модерна – это Титан – сын Земли. Воля к власти выражает сущность человека модерна. Поэтому воля к власти является характерной чертой всего живого, так как господство обеспечивает больше шансов для выживания и возрастания. В ракурсе такого характера реализуется нигилизм новоевропейской философии и культуры.

Ярким выражением модернистского бытия стала техника, продолжающая в пространстве члены человеческого тела. Техника заняла уверенную позицию в жизни общества и в умах мыслителей, которые не всегда положительно воспринимали ее присутствие в жизни человека: «Мотор [...] не властитель, а символ нашего времени, – пишет Э. Юнгер, фиксируя двойственность модернистской жизни, где здравый смысл, рассудочность, сопровождается какими-то “анархическими” силами, – эмблема власти, для которой взрывная сила и точность не противоположны друг другу».

Модернистское просвещение стремится к абсолютному знанию, раскрывающему изобилие непознанного: «есть опьянение познанием, истоки которого лежат глубже сферы логического, есть повод гордиться техническими достижениями, началом безграничного господства над пространством. И в этой гордости угадывается потаеннейшая воля к власти, которой все это видится лишь как вооружение для еще неведомых битв и восстаний...» [12, С. 102].

В Новейшее время можно выделить «правый и левый модернизм, а также модернизм либерального буржуазного центра с определенной исторической и интеллектуальной дистанцией, а следовательно, и понять, и представить поэта этой эпохи объективно, без слепого поклонения» [5, С.

7]. Если правый и центристский модернизм понимают власть в рамках государственной системы, то левый, не отрицая, а напротив, гипертрофируя упорядочивающие основания власти, отрицает необходимость государства. Левый модернизм признает эгоистическое начало человеческой природы. Человек, которого наделяют властью, в данной ситуации должен быть подчинен внутренним и общественным механизмам регуляции его действий в рамках употребления властных компетенций. Этого требует и либеральная идеология. Однако левые увеличивают ответственность каждого человека в отдельности, возвращая ему те права, которых некогда человек лишился при заключении «общественного договора». В таком случае большую значимость играет нравственное развитие личности.

Модерн стал апофеозом человека разумного и механического. Если Платон разделял разум, волю и вожделение, то модерн соединил волю и желание, сделав власть предметом вожделения и формой реализации сущности акциденций бытия через волю к власти. Модерн усиливает структурирующий и упорядочивающий аспекты власти. Власть – это технология, а человек, наделенный ею, – это результат прогрессирующего в сторону порядка процесса бытия. Содержание понятия власть в новое время характеризуется в качестве отношений господства и подчинения. Субъект и объект власти играют асимметричные роли в процессе взаимодействия. Однако модернистское представление о власти имеет рационалистичные основания. Асимметричность отношений связана с необходимостью разделения компетенций между участниками общественных отношений. Власть, сформировавшаяся в условиях модерна, имеет интеркурсивный характер, если исходить из риторики исследователя Д. Ронга. Ей характерны формы властных отношений, связанные с определенным способом распределения сил между участниками отношений. Индустриализация, модернизация и технизация знаменуют собой данный тип взаимодействия: «технический прогресс создает такие формы жизни, которые примиряют оппозиционные

силы. Более того, видимо, наибольшим достижением индустриального общества стала его способность воспрепятствовать изменениям, порождать партнерские отношения между трудом и бизнесом» [11, С. 327].

Анализ властных отношений усложняет присутствие в них мотивации различной этиологии.

Открытие и признание в человеке, наряду с интеллектуальными измерениями, эмоциональные и чувственные, которые также должны подчиняться тенденции рационального упорядочивания, вело к признанию нерациональных оснований власти. Впоследствии можно говорить и об иррациональных основаниях власти, желания господства. Это приводит к кризису новоевропейского модернизма и к упадку Просвещения. Однако политическая система и в настоящее время строится на системе распределения власти между участниками отношений, определенных в рамках государства. Поэтому современный философский анализ власти должен ориентироваться на выявление не только рациональных и логических, но и волевых, вожделеющих стремлений. Развитие техники и технологии, ведущее к узкой специализации, стало условием для осуществления власти как коммуникативного процесса. Однако данная тенденция определила скрытую и изощренную возможность манипулировать сознанием современного человека, связанную с разработкой ряда практических методик подчинения «иррациональных» импульсов целям, связанным с поддержанием определенного типа отношений, в том числе отношений власти, в обществе.

Список литературы

1. Беляев Н.Ю. «Механицизм» в новоевропейской культуре. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007. – 260 с.

2. Гегель Г.В. Феноменология духа. Репринтное воспроизведение издания 1959 г. – СПб.: «Наука», 1994. – 445 с.
3. Данилова М.И. Индивидуализм: история и современность: диссертация ... доктора философских наук. – Ростов-на-Дону, 2001. – 221 с.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – 1472 с. – (Классическая философская мысль).
5. Козловски П.. Миф о модерне: Поэтическая философия Эрнста Юнгера; Пер. с нем. – М.: Республика, 2002. – 239 с.
6. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 384 с. 9.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. / Сочинения. Т. 23. – М., 1960. – 908 с.
8. Спиноза Б. Основы философии Декарта, доказанные геометрическим способом / Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – 608 с.
9. Травин Я., Маргания О. Европейская модернизация / Серия: Philosophy. – М.: АСТ, Terra Fantastica, 2004. – 672 с.
10. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические труды, выступления и интервью: [В 3-х ч.]. – М.: Праксис, 2002–2006. – Ч. 1–3.
11. Хевеши М.А. Антикапиталистический бунт «новых левых» // От абсолюта свободы к романтике равенства (Из истории политической философии) / Отв. ред: канд. филос. наук М.М. Федорова, док. филос. наук М.А. Хевеши. – М.: ИФРАН, 1994. – С. 195–212.
12. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.: Наука, 2002. – 539 с. (Сер. «Слово о сущем»). (нем.).